

Текст · 6 октября 2020, 08:44

Юлия Сугуева,

«Мы даже освободиться боимся». Дело о террористической ячейке в калмыцкой колонии

«1 июня [2011 года я] прибыл отбывать на колонию [ИК-2 в Калмыкии], увидел, что там живут две группы людей, одни по воровским понятиям, другие по религии», — так начинается длинное письмо^[1]

28-летнего жителя Армавира Курбана Меджидова. В 2011 году он был осужден на 7,5 лет за изнасилование, насильственные действия сексуального характера и кражу, совершенные группой лиц (части 2 статей 131, 132 и 158 УК).

«Кто жил по религии, была своя секция, некурящая, непьющая, — пишет заключенный. — Так как я курил, я остался жить там, где курят и т.д. Но намаз я делал! В 2015 году меня с этого лагеря увезли в Самарскую область. В 2017 был освобожден, моей дочке было три года, я работал, никуда не лез, все было замечательно. В 2019 году в мае родился сын, мы были рады. 16 декабря 2019 года ко мне домой вломился спецназ, меня увезли в город Ессентуки. Мне сказали, что я обвиняюсь в терроризме, я им говорю, что мой каждый шаг можно проверить. Мне сказали, что это было в 2013-2014 [годах], я вообще обрадовался, потому что тогда сидел, но сотрудники говорят, что это и было в Калмыкии, поселке Яшкуль, ИК-2. Вот тогда я вообще был в шоке, меня обвиняют в терроризме, и вдобавок я его совершил в зоне».

Дело о создании «Джамаата» и аресты

Дело об организации и участии в террористическом сообществе (части 1 и 2 статьи 205.4 УК) в калмыцкой ИК-2 главное управление СК по Северо-кавказскому федеральному округу возбудило в конце ноября прошлого года, а за несколько месяцев до этого на территории ИК изъяли^[2] экстремистскую литературу и флаг «Исламского государства».

Согласно постановлению о возбуждении дела, уроженец Дагестана Шахбан Гасанов, с 2013 года по 2014 год отбывавший в этой колонии срок за незаконный оборот оружия (статья 222 УК), разделял идеи «Исламского государства». «В целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма» он не позднее 2013 года создал на территории ИК «террористическое сообщество "Джамаат"^[3]» и стал его первым амиром^[4].

25-летний Гасанов погиб во время спецоперации в Хасавюрте в марте 2015 года. НАК сообщал, что после освобождения из колонии он «возглавил "кизлярскую" банду, а затем присягнул международной террористической организации ИГИЛ и намеревался активизировать террористическую деятельность на Северном Кавказе», был причастен к покушениям на силовиков и вымогательству денег у предпринимателей.

«Кавказский узел» писал, что «Имарат Кавказ» подтвердил причастность Гасанова к местному вооруженному подполью, назвав его «шахидом», но о связях убитого боевика с ИГ никогда не сообщалось.

В 2012 году родственники Гасанова жаловались правозащитникам на силовиков, которые якобы безосновательно преследуют молодого человека и подбрасывают ему оружие.

Так или иначе, следствие считает, что у тюремной группировки сменилось шесть лидеров: перед освобождением из ИК-2 в 2014 году Гасанов назначил преемника — Руслана Сурхаева, который был амиром в течение двух лет. В 2016 году его место занял Магомед Гусейнов. После — с 2017-го по 2018 год — «Джамаатом» руководил Владимир Калмыков, затем Сайпудин Гусаров, а уже в 2019-м группировку возглавил Рашид Абдуллаев.

Участники террористического сообщества, утверждает следствие, исповедовали радикальный ислам, распространяли в колонии экстремистскую и террористическую идеологию, финансировали международных террористов, вовлекали в свою деятельность других осужденных, а также вербовали их в НВФ для «ведения^[5] вооруженной борьбы против представителей действующей власти на территории Российской Федерации, совершения посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов, террористических актов и диверсий, изменения конституционного строя Российской Федерации для последующего установления на территории Российской Федерации законов шариата».

«Был имам, который 11 лет отсидел и врубался как в воровское, так и в джамаат»

Еще в 2013 году первый заместитель директора ФСИН Анатолий Рудый публично признал существование радикальных религиозных ячеек в российских колониях. С тех пор число осужденных, поставленных на специальный учет как исламисты, только выросло. 25-летний уроженец Махачкалы Иван, который год назад вышел из дагестанской колонии строгого режима, рассказал «Медиазоне» о взаимоотношениях традиционного криминалитета и тюремных «джамаатов».

Сперва дело возбудили в отношении 22 человек, однако, согласно материалам, всего с 2013 года в сообщество входило более ста заключенных. В следственную группу вошли почти два десятка следователей из главного управления СК по СКФО и региональных управлений по Краснодарскому краю, Карачаево-Черкесии, Ростовской и Астраханской

областям, Дагестану, Калмыкии, Ставропольскому краю и Крыму.

16 декабря 2019 года были задержаны первые пять фигурантов. Как [сообщал](#) СК, остальные подозреваемые все еще находились в местах лишения свободы, а трое — в том числе и Шахбан Гасанов — были убиты в спецоперациях в 2014-15 годах. В марте этого года [задержали](#) еще пятерых.

К началу июля обвиняемых [было](#) уже 29, а дело одного из них — жителя Кабардино-Балкарии Михаила Жигунова — передали в Южный окружной военный суд. Родственники других обвиняемых утверждали, что Жигунов согласился на особый порядок в обмен на обещание минимального срока — но меньше, чем через неделю Госдума [отменила](#) особый порядок рассмотрения дел о тяжких преступлениях.

В июле же Следственный комитет отчитался о возбуждении уголовных дел против экс-начальника ИК-2 Павла Батаева и его бывшего заместителя Артура Цамаева. Следствие [считает](#), что руководители колонии за взятки помогали членам террористического сообщества: проносили на территорию мобильные телефоны, планшеты, экстремистскую литературу, аудио- и видеоматериалы, символику террористических организаций и другие запрещенные предметы, предупреждали их об обысках и досмотрах. Обоим предъявили обвинение в пособничестве руководителям террористического сообщества (часть 5 статьи 33, часть 1 статьи 205.4 УК), а Цамаеву еще и в получении взятки в крупном и значительном

размерах (пункт «в» части 5 статьи 290, часть 3 статьи 290 УК).

При этом Меджидов в своем письме отмечает, что «начальник лагеря был взяточник, но никогда бы в жизни он не заносил бы террористам, он мусульман вообще не любил».

В августе Следственный комитет **объявил** о новых задержаниях, и количество обвиняемых в деле достигло 43.

Некоторых фигурантов сотрудники ФСБ увозили прямо с территории колонии сразу после освобождения. Так в конце мая задержали 33-летнего жителя Махачкалы Рамазана Дибирова, который отсидел в ИК-2 год и восемь месяцев за кражу (статья 158 УК).

Иллюстрация: Марина Маргарина / Медиазона

«Я приехала — там шлагбаум, говорю: "Можно мне проехать? У меня муж освобождается". Они говорят: "У нас санитарный день, освобождается —

сюда подойдет". Обычно пропускали, но я подумала: "Может, действительно [санитарный] день, ковид". Муж позвонил: "Все, меня объявили, я уже иду на вахту", — вспоминает жена Дибирова Марина Магомедова. — Прошло уже десять [минут], его нету и нету. А пока я там стояла, заехала какая-то машина, я увидела, что в масках люди сидели. Теперь мне парень [из колонии] звонит и говорит: "Послушай, здесь ребят забирали, которые освобождались, прям у ворот. Что-то подозрительно, что он до сих пор не вышел". И тут я вижу, мне навстречу едет эта машина, а я на такси была — села, и мы поехали за ней. Тут дорогу перекрывает ГАИ, задерживают специально. Я вернулась в зону, иду к начальнику. Он говорит: "Вы что от меня хотите? Я ему справку об освобождении выдал, он ушел, я понятия не имею, где он". А там есть женщина, которая передачами занимается, она видит, что я плачу, и говорит: "ФСБ забрала, увезли, только не говори, что я тебе сказала". Я сразу поехала в прокуратуру Яшкуля, они меня отправили в РОВД, [где] я написала заявление о пропаже человека. И тут мне звонит адвокат: "Я такая-то, адвокат вашего супруга, он обвиняется по такой-то статье и находится в Следственном комитете города Элисты"».

По словам Магомедовой, иногда родственникам освобожденным не сразу сообщают об их задержании по новому делу. «Просто психологически тяжело, они чтоб психику сломать это делают. Почему было не забрать, пока он в зоне был? Недавно еще одного забрали — ко мне из колонии звонили ребята, которые сидели с мужем.

Они говорят: "Мы даже освободиться боимся"», — рассказывает женщина.

По версии следствия, Дибиров был завербован в тюремный джамаат; ему предъявили обвинения в участии в террористическом сообществе. Вину он не признает, утверждая, что только посещал молитвенную комнату, поскольку с детства совершает намаз.

Обвиняемым по тому же делу проходит и бывший муж Магомедовой — Сайпудин Гусаров, его в СК считают одним из лидеров «Джамаата».

«[Дибирова] посадили в 2018 году за кражу. Его отправили в Яшкуль, так получилось, что там сидел мой бывший муж Гусаров Сайпудин, но у него большой срок, девять лет, он по наркотикам сел. Теперь и он по этому делу проходит, это, конечно, очень странная ситуация. Мы с ним поддерживали связь, у нас общие дети, он хотел с ними общаться», — объясняет Магомедова.

32-летний Магомед Гусейнов из Дагестана, который, по версии следствия, входил в руководство «Джамаата», был в числе первых задержанных. 16 декабря прошлого года в семь утра его дом в селе Муцалаул Хасавюртовского района окружили силовики, вспоминает жена Магомеда Айша Батиева.

«Окружили весь наш дом, [перекрыли] всю улицу, ничего нам не объяснили, почему забирают, на наши вопросы — ноль внимания, все в масках, ворвались во двор, как мухи были везде, — говорит Батиева. — Муж был удивлен, обыскали дом, забрали мужа, и

только на второй день мы узнали, что он в Пятигорске находится. Искали его и в Хасавюрте, и в Махачкале во всех отделах, и по сей день они ничего не говорят, дяди ехали, но следователь не встретился с ними. Мы и писали обращения, но везде отписки, как будто все сговорились».

Женщина вспоминает, что после обыска в доме пропали документы на машину, за которую Гусейнов не успел полностью расплатиться — в итоге ее пришлось вернуть предыдущему владельцу — и около 17 000 рублей. Телефон Айши силовики забрали и читали ее переписку с мужем, а потом вернули сломанным: «Там была такая переписка... Ну, как у мужа и жены. Я говорю: "Зачем вы читаете личное?". Они вышли и читали, потом еще обсуждали это. А потом мне еще один оперативник написал: "Ты знаешь, ты мне понравилась". Я его заблокировала. Снова пишет: "Я буду помогать" и все такое. Я его припугнула: "Ты что, со своего места вылететь хочешь?". Когда я у него спросила: «Ты откуда?», он ответил, что местный. Я ему сказала: «Тебе не стыдно? Местный и такое пишет. Он себя еще описывает, хотя они все были в масках. Вот зачем это делать?».

Дядя Гусейнова Хасан говорит, что племянника посадили в 2010 году на восемь лет за «кражи, грабежи-^[6]». По словам дяди, в 2012 году Магомед заболел туберкулезом, и его вывезли из калмыцкой колонии в Волгоград, а вернули в ИК-2 лишь спустя четыре года. Там его перевели на СУС ^[7] и держали отдельно от других заключенных, а примерно через полгода этапировали в Архангельск, где он и отбыл остаток срока.

«Я с ним не общался из-за его поведения, потому что он меня не слушал. Потом, когда брат [отец Магомеда] скончался, я уже начал с ним связываться. Потом он вернулся [из колонии] совсем другой, и мы тесно поддерживали связь. Мы его женили, поселили в родительский дом, ребенок родился. Как освободился, он сразу начал движения делать, пиццу развозил. Потом, как семьей обзавелся, не хватало [денег], перевелся на такси. У него был надзор, он исправно отмечался. Интерес к жизни у него появился, и вот его забрали», — говорит Хасан Гусейнов.

По словам родственников, когда Магомед отказался давать признательные показания, следователи попытались надавить на него через семью:

«[Сотрудники СК] нам ничего не говорят, но как-то следователь приезжал и был готов дать свидания, лишь бы мы его убедили пойти на досудебное соглашение».

Об уговорах следователей пишет и сам Меджидов.

«3 мая у меня умерла жена по ошибке врача, они приходят ко мне и говорят: "Курбан, у тебя умерла жена, прими соболезнования, возьми соглашение, особый порядок, клянусь тебе, дадим три года и ближе к детям отправим, в Армавир, а если будешь отказываться, мы тебя отправим в Севера, где год за десять лет тебе покажется". У меня руки опустились, я на словах согласился, но 15 мая у меня суд был по продлению [ареста], и я понял, что три года для меня много, я хочу быть с детьми. Я говорю на суде: "Вы можете мне доказательства [моей вины] показать?". Следователь не ожидал, что я начну газовать. На полгода мне продлили арест, тут же ко мне приходит

фээсбэшник и говорит: "Это чо было, Курбан?" Я уже кричать начал. Тогда он сказал, что [расторгает нашу договоренность]», — сказано в письме.

Меджидов утверждает, что ему угрожали статьями о вербовке в террористическое сообщество и публичном оправдании терроризма (статьи 205.1 и 205.2 УК). По словам обвиняемого, его несколько раз переводили в следственные изоляторы разных регионов, поскольку он убеждал подельников давать «правдивые показания»: «И я говорю: "Братья, не вздумайте брать досудебку, соглашение. Они только этого и хотят, чтоб мы сами себя виновными сделали". Дело в том, что они хотят сделать из меня вербовщика. Я был уверен, что тем, кто отрицает, дадут роль вербовщиков, а те, кто взял досудебное соглашение, они возьмут на себя вину, что они финансировали. Раз признается — судья уже не будет говорить: "Покажите доказательства"».

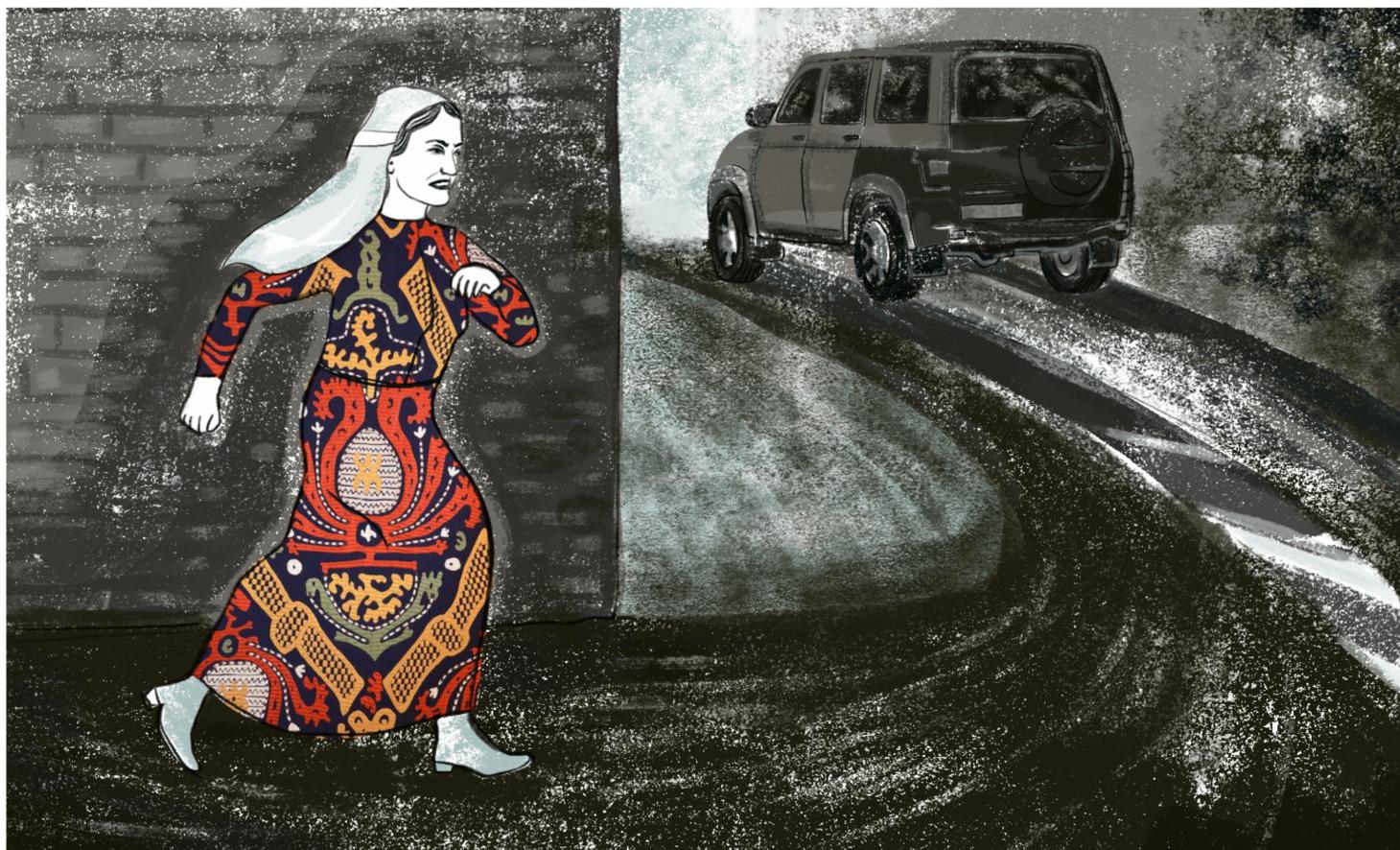

Иллюстрация: Марина Маргарина / Медиазона

Как следствие представляет себе "Джамаат"

В распоряжении «Медиазоны» есть показания трех обвиняемых, признавших вину. Они по-разному описывают свое вовлечение в «Джамаат», но вторят друг другу, рассказывая об устройстве сообщества и отношениях внутри него.

Один из них — 32-летний Рустам Казиев, осужденный в 2013 году на 19,5 лет за убийство двух и более человек, грабеж, разбой и угон (статьи 105, 161, 162 и 166 УК) — показал, что вербовать в джамаат его начали сразу по прибытии в колонию. Ему объясняли, что мусульмане живут по своим законам, а на территории колонии есть мечеть и проповедники, которые учат намазу, основам религии, арабскому языку и чтению Корана. Казиеву обещали, что джамаат будет защитой от блатных и сотрудников колонии, рассказывали о халифате^[8] и борьбе против неверных. В итоге заключенный согласился.

В то время амиром был Шахбан Гасанов. Казиев описывает его как религиозного фанатика, подчеркивая, что «его многие просто боялись», так как он обладал выдающейся физической силой, был решителен, смел и дерзок. Именно Гасанов определял структуру джамаата, распределял участников по отдельным группам, ответственные за разные направления: проповедь «радикального ислама», вовлечение новых членов, сбор и хранение денег «байтумана» — «общака» джамаата, силовое сопровождение, в том числе разрешение конфликтов, поиск и распространение «материалов террористического и экстремистского характера», исполнение решений «шариатского суда», в том числе битье палками за курение, уклонение

от изучения арабского или совершения намаза.

Мусульмане жили в нескольких секциях, которые контролировали приближенные лидера — наибы. По словам обвиняемого, у «Джамаата» было несколько черных флагов с эмблемой «Исламского государства», которые они вывешивали во время собраний, один из них и был изъят силовиками в июле 2019 года.

Казиев также описывает, как был устроен «байтуман»: по словам обвиняемого, общак пополнялся за счет добровольных пожертвований, работы мусульманского магазина^[9], продажи телефонов и других запрещенных в колонии предметов, а также телефонного мошенничества.

Согласно показаниям другого обвиняемого, Антона Александрова, из «байтумана» выплачивались взятки начальнику колонии и его заместителю — от 100 до 250 тысяч в месяц каждому. Руководитель ИК Павел Батаев поддерживал дружеские отношения с Шахбаном Гасановым: тот часто приходил к заключенному, чтобы обсудить что-то и попить чаю, передавал ему телефоны, кроме того, Гасанова не ограничивали в свиданиях и позволяли проносить в колонии любые предметы и вещества, «вплоть до наркотических средств». Александров также утверждал, что из общака выделяли деньги для кавказских боевиков и террористов из ИГИЛ: от 100 до 500 тысяч рублей ежемесячно.

Родственники других обвиняемых уверены, что такие суммы заключенные просто не могли собирать. «Я до восьми месяцев беременности работала, с девяти утра до двух-трех ночи мы [с мужем] работали стабильно

каждый день. Они говорят: "У него были деньги, он переводил". Я живу на квартире в селе, говорю следователям: "Если бы у него были деньги, он бы, наверно, меня обеспечил бы жильем, не брал бы "девятку" в рассрочку, чтобы семью обеспечивать, — говорит жена Магомеда Гусейнова. — [Там] все бедолаги: у одного сын больной, и он работал на тракторном заводе, у другого жена умерла, двое маленьких детей остались. Вот всех таких бедолаг собрали. Я вот живу на уход по ребенку, 7 500 рублей в месяц».

В общей сложности Казиев и другие обвиняемые называют в своих показаниях имена почти 80 членов группировки, подробно объясняя, кто кого завербовал и кто чем за что отвечал в джамаате.

Родные обвиняемых считают, что признавшие вину просто подписали список, предоставленный следствием — в действительности запомнить такое количество имен невозможно.

«Адвокат говорит, что единственное, что есть на моего мужа, это показания Казиева, а у того [срок] 19 лет, его как забрали, он сразу начал сотрудничать со следствием, — возмущается Марина Магомедова. — Там следствие на таких глупостях строится: где-то что-то там нашли, откопали, конкретно ни у одного человека не было ничего изъято, они запретную литературу им подкинули в комнату для намаза. Да кто знает, кто эту литературу туда принес и кто ее читал, они якобы на территории зоны где-то выкопали какой-то флаг. Кто знает, кто и когда его закопал. Мои предположения: это было закопано

ими же самими, но это уже недоказуемо. А где доказательства, что это закапывали люди, которые сейчас содержатся [под стражей]?».

Курбан Меджидов в своем письме отмечает, что многих обвиняемых, не признавших вины, не допрашивают, и те не могут рассказать свою версию событий. «Спрашиваю: "Когда возьмете показания?". Говорят: "А вы решили, какие?" — "Конечно! Правдивые!" — пишет Меджидов. — Я говорю: "Если я такой террорист, почему вы мне освободиться дали? Какие у вас доказательства?". Если у них есть доказательства, клянусь своими детьми, пусть мне по потолку дадут срок, чтобы я не вернулся к ним. Они хотят сказать, что в уголке, где есть опера и стукачи в каждом бараке, где ФСБ каждую неделю приходило, где есть исламское духовенство, где есть жучки и камеры и каждый час ходит сотрудник, они упустили террористическое сообщество из 133 человека?».

Марина Магомедова полагает, что «дело развалится», когда дойдет до прокуратуры — в противном случае все его фигуранты получают реальные сроки.

«Я трезво смотрю [на ситуацию], никого по одному не вытащат, это я уже поняла. Там нужно вытаскивать или всех, чтобы дело сломалось, или дадут срока. Я на это даже настроила себя. Конечно, хотелось бы, чтоб он вышел, но если так суждено, мы ничего не поменяем. Когда я там ждала его за воротами, [было] столько мыслей, столько надежд, столько планов на жизнь — и это все рухнуло. У меня в какой-то момент опустились руки, но у меня трое детей, если я расклеюсь, я ни им, ни ему никакую

поддержку не окажу. Вот получила от него письмо, пишет: "Все хорошо, родная, люблю. Холодно здесь, отправь, пожалуйста, одежду"», — рассказывает жена арестанта.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Приводится с сокращениями и необходимой корректурой.

Письмо передано «Медиазоне» родственниками другого фигуранта дела. Адресат не указан, вероятно, Меджидов обращается к правозащитникам, поскольку дальше в письме он просит юридической помощи.

2. Об этом говорится в материалах дела, которые есть в распоряжении «Медиазоны».

3. Дословно: община. Так могут называться самые разные объединения мусульман — сельская община, группа прихожан одной мечети, политическое движение или религиозное течение.

4. Здесь: предводителем.

5. После освобождения из колонии.

6. Статей УК, по которым осужден племянник, он вспомнить не смог.

7. Строгие условия содержания.

8. Теократическое государство, к созданию которого стремятся исламисты.

9. Казиев в своих показаниях не объясняет, что именно там продавалось.